

Текст · 4 января 2020, 10:10

Александр Бородихин,

Маски-шоу. Почему суд Гонконга разрешил скрывать лица во время уличных протестов

Современный Гонконг, один из крупнейших мировых финансовых центров, на протяжении всего XX века оставался колонией Великобритании, но в 1997 году вернулся в состав Китая на правах специального административного района. Отсюда — экономические, культурные и мировоззренческие различия между регионом и материком. Хотя до 2047 года Гонконгу предоставлена широкая автономия, не распространяющаяся лишь на вопросы обороны и внешней политики, после «революции ЗОНТИКОВ» Пекин усиливает попытки интеграции либерального анклава в политическое и правовое пространство КНР, что вызывает отторжение у местных жителей.

В 2019 году Гонконг охватила серия массовых выступлений, сопровождавшихся уличными боями с силовиками. Протесты вызвало рассмотрение закона об экстрадиции подозреваемых в материковый Китай; многие активисты выходили на улицы в медицинских масках, респираторах, очках или балаклавах. В начале октября глава гонконгской администрации Кэрри Лам запретила участникам демонстраций скрывать лица под масками под угрозой уголовной ответственности. Чтобы

принять «Распоряжение о запрете скрывать лица» (Prohibition on Face Covering Regulation, PFCR), Кэрри Лам использовала полномочия, предусмотренные «Ордонансом о чрезвычайных мерах» (Emergency Regulations Ordinance, ERO), который был составлен еще под британского губернатора Гонконга. Конституционность этого запрета и была обжалована в суде.

В преамбуле своего решения судьи Годфри Лам и Андерсон Чоу перечисляют события, предшествовавшие разбирательству: граждане, недовольные внесением в законодательный совет Гонконга (LegCo) законопроекта о выдаче Китаю скрывающихся правонарушителей, вышли на масштабные уличные акции протеста, которые не прекратились даже после публичного отказа властей от рассмотрения этого документа.

В период с 9 июня по 4 октября 2019 года, по данным правительства, были зарегистрированы свыше 400 «мероприятий, имеющих отношение к общественному порядку» (массовых акций или шествий), причем существенная их часть закончилась вспышками насилия. Со временем произошла эскалация, в особенности — 29 сентября и 1 октября, когда во многих районах участники акций протеста перекрывали крупные транспортные магистрали, совершали акты вандализма на станциях метро, объектах инфраструктуры, в государственных организациях и магазинах, а также бросали коктейли Молотова в сотрудников полиции, их автомобили и полицейские участки.

Запрета на сокрытие лиц до *PFSCR* в Гонконге не существовало. Бюро безопасности, осознавая растущий уровень опасности, сообщило главе администрации о необходимости безотлагательно принять «Распоряжение о запрете скрывать лица» в целях повышения эффективности расследований и предупреждения дальнейших насильственных и незаконных действий со стороны нарушителей в масках.

4 октября администрация Гонконга на специальном совещании пришла к выводу, что уличные беспорядки угрожают общественной безопасности, и «в интересах общества» решила запретить использование масок. В тот же день распоряжение было подписано и уже в полночь вступило в силу.

Тогда же Кэрри Лам на пресс-конференции объявила, что режим чрезвычайного положения в регионе власти объявлять не намерены — вместо этого будет задействован *ERO*, колониальный закон 1922 года об особых полномочиях.

«Мы как ответственное правительство обязаны использовать все доступные нам средства для прекращения эскалации насилия и восстановления общественного спокойствия», — говорила Лам через несколько дней после того, как полицейские впервые с начала протестов ранили студента из огнестрельного оружия. «Запрещается использование любых предметов для сокрытия лица, которое может помешать установлению личности во время незаконных собраний (в том числе, беспорядков),

несанкционированных собраний и прочих собраний и шествий, — говорится в тексте *PFCR*. — Нарушение требований пункта 1 карается штрафом уровня 4 и лишением свободы на один год». Штраф четвертого уровня — 25 тысяч гонконгских долларов (примерно 200 тысяч рублей). Бремя доказывания невиновности при этом ложится на обвиняемого.

Действия властей обжаловали в суде 24 члена законодательного совета Гонконга. Истцы в суде предъявили несколько претензий к законодательным актам, которые они сочли неконституционными: так, *ERO* требовали признать противоречащим Биллю о правах^[1] (в итоге суд признал, что гражданские права могут быть временно ограничены в разумных пределах и в рамках закона) и указывали на нарушение статьи 39 Конституции (основные права и обязанности) — также безрезультатно.

Второе предложение Статьи 39 Основного закона гласит: «Права и свободы граждан Гонконга не могут быть ограничены кроме случаев, — когда это предусмотрено законом». Мы не принимаем аргумент истцов. Формулировки закона не существуют абстрактно или в вакууме. <...> Требование о том, чтобы ограничения были «предусмотрены законом», непосредственно подразумевает ограничения в правах и свободах гражданина. При этом предполагается, что «нормы», прямо направленные на ограничение свобод гражданина, должны быть в достаточной мере выверенными, чтобы гражданин мог их соблюдать.

Фото: Мигель Кандела / РИА Новости

Также истцы просили суд признать отдельные меры, принятые в рамках *PFCR*, непропорциональным ограничением гарантированных Конституцией прав на личную свободу, частную жизнь и свободу самовыражения, а также права на мирные собрания. Разбору этого требования суд уделил больше внимания.

Нет сомнений в том, что ограничения, предусмотренные *PFCR*, касаются сразу нескольких гражданских прав, в том числе — свободы мирных собраний и демонстраций, свободы слова и самовыражения и права на частную жизнь. Эти права не являются абсолютными и могут ограничиваться в рамках закона.

Представляющий сторону правительства [юрист] Бенджамин Ю пояснил, что *PFCR* преследует две основные цели: противодействие и нейтрализация

желания нарушать закон у тех, кто скрывает лица, а также ускорение работы полиции, следствия и обвинения. Невозможно спорить с тем, что это законные цели, которые правительство может декларировать в рамках закона в интересах общественного порядка и общественной безопасности. Здесь необходимо отметить, что многие положения Билля о правах прямо разрешают ограничение необходимых гражданских прав в целях защиты общественного порядка и безопасности.

Сославшись на решение ЕСПЧ по делу [SAS v France](#), которое касалось запрета на скрывающую лицо одежду во Франции (Страсбургский суд отказался признать его нарушающим Европейскую конвенцию по правам человека), суд отклонил требования истцов в этой части. Маски и скрывающую лицо одежду запрещали за последние годы в разных странах и регионах: в [Саудовской Аравии](#), [ОАЭ](#), [Бахрейне](#) (маски Гая Фокса), американской [Северной Дакоте](#) (на фоне протестов против строительства трубопровода) и [других штатах](#), Чаде, Нигере и Камеруне ([в ответ](#) на нападения террористов «Боко Харам»), а также во время [украинского Евромайдана](#). Отказавшись признать запрет на маски недопустимым в принципе, суд в то же время согласился с ключевым юридическим аргументом истцов, решив, что колониальный ERO создает прецедент «недопустимой передачи законодательной власти или ее делегирования».

В полномочия и обязанности *LegCo* в качестве законодательного органа Гонконга входит принятие законодательных актов. Другие органы не могут, в соответствии с заложенными в Конституции принципами, обладать широкими законодательными полномочиями, а могут лишь принимать подзаконные акты. Между широкими законодательными полномочиями и допустимыми полномочиями по принятию подзаконных актов есть определенная разница. При этом в части, касающейся общественной опасности, *ERO* представляется столь широким по масштабу применения, передача власти — столь полной, условия применения — столь неопределенными и субъективными, распоряжения, изданные в рамках этих полномочий — столь существенными, а контроль за исполнением закона со стороны *LegCo* — столь ненадежным, мы заключаем, что *ERO* несовместим с конституционным порядком <...> Мы не считаем, что *ERO* можно сделать соответствующим требованиям Конституции <...>, поскольку суд не уполномочен принимать решения или выпускать законодательные акты, целиком отличающиеся по смыслу от тех, что были приняты изначально.

Перед нами имеются свидетельства масштабного ущерба и серьезной опасности, которые создали некоторые участники акций протеста. За месяцы, предшествовавшие [подписанию *PFCR*], в Гонконге были зафиксированы многочисленные случаи нападения на полицейских в оцеплении с оружием, перекрытия дорог общего пользования и туннелей крупными и тяжелыми предметами, нападения на водителей, возмущенных такими

перекрытиями, проявлений вандализма в отношении объектов общественного назначения и прочих зданий, сожжения государственной собственности, использования зажигательных бомб против полицейских и на станциях общественного транспорта, повреждения торговых центров, магазинов, банков и ресторанов (наряду с сообщениями о грабежах и кражах в некоторых из подвергшихся нападениям магазинов), нападений на места расположения правоохранительных органов, повреждения транспортной инфраструктуры, преследований и нападений на простых граждан, придерживающихся иных политических взглядов. Подобные акты насилия и вандализма все более ожесточались и учащались, а 1 октября стали особенно серьезными. Наиболее агрессивные участники акций протеста зачастую скрывали личность при помощи медицинских масок, балаклав и противогазов. Особенно тревожной тенденцией стало заметное увеличение числа молодых людей и студентов, принимающих участие как в массовых мероприятиях, так и в преступных актах насилия и вандализма. К 4 октября были задержаны 223 несовершеннолетних из общего числа задержанных в 2 135 человек — при этом по состоянию на 1 сентября соотношение составляло 67 к 1 110.

Суд отметил, что формулировки *ERO* достаточно расплывчаты: в «Ордонансе» говорится, в частности, о праве главы администрации в чрезвычайной ситуации «принять любые постановления, которые [он или она] сочтет желаемыми в общественных интересах».

«Ключевое слово здесь — “желаемыми”, не “необходимыми”», — указали судьи.

При этом авторы решения подчеркнули, что не видят в Конституции категорического запрета на предоставление главе совета чрезвычайных полномочий: «Негибкость не является добродетелью в толковании Конституции, всегда можно вспомнить поговорку, что Конституция, которая не гнется, ломается».

Суд не внял доводу истцов, которые называли безосновательным предположение, что «ношение маски может спровоцировать или подстегнуть протестующих к совершению незаконных действий, которые они не совершали бы без масок»; судьи сослались на мнение психолога, подчеркнув, что его выводы соотгласуются со «здравым смыслом».

Правительство представило экспертное мнение доктора Цуй Пуй Вин Эфраэма, клинического психолога, в котором объясняется, как сокрытие лица влияет на психологию человека и придает решимости к совершению действий, которые человек в иных ситуациях бы не совершал. Доктор Цуй пишет, что лично не проводил каких-либо исследований провоцирующего эффекта масок, однако изучил соответствующую литературу: «Люди принимают осознанные решения, надевать маску или нет, и надевать ли какую-то конкретную маску. Причиной может быть физическая защита, психологическая защита личности или демонстрация аффилиации с определенной группой. Представляется, что когда человек присоединяется к группе, которая использует

маски в качестве групповой идентификации, запускается эффект деиндивидуации. Маска становится носителем функции анонимности; когда анонимность дополняется коллективизмом, участники групповых действий легко распределяют между собой обязанности. Люди, как правило, чувствуют поддержку других, что придает храбрости. Если доминирующая групповая ценность или цель в ситуации просоциальна, человек будет ей соответствовать и действовать просоциально. Однако, если доминирующая групповая ценность или цель антисоциальны, индивид с большей вероятностью будет действовать антисоциально. Слово "антисоциально" относится к отрицанию более общих социальных норм, что внутри группы может становиться собственной групповой нормой как таковой. Таким образом, человек вовсе не теряет себя в группе, а просто следует групповой норме».

В Пекине решение гонконгского суда восприняли с недовольством. Цзан Тевей из Всекитайского собрания народных представителей — высшего законодательного органа КНР — объявил, что такие вопросы могут решаться только законодательно и на общегосударственном уровне. Апелляционный суд Гонконга должен выслушать аргументы властей и противников запрета масок в январе; все это время запрет будет считаться неконституционным. Уличные столкновения продолжались в Гонконге как в декабре, так и на Новый год; в своем праздничном обращении председатель КНР Си Цзиньпин сказал, что «ситуация в Гонконге в

последние месяцы беспокоит всех» (этой фразы нет в англоязычной [расшифровке](#) речи на сайте китайского канала *CGTN*, однако ее [упоминает](#) *Guardian*).

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Билль о правах, основанный на Всеобщей декларации прав человека ООН, был принят в 1991 году. Билль предусматривает, что все законы, ему противоречащие, подлежат пересмотру или отмене.